

И Чжэ не знал, зачем Сюй Танчэнь внезапно перенёс их свидание, но, проснувшись на следующий день и увидев его сообщение, сразу ответил:

[Конечно.]

Сюй Танчэнь ушел из лаборатории только под ужин. Двери лифта открылись, и он столкнулся с Юй Анем, который как раз выходил.

— О, ты идёшь есть? — Юй Ань покинул лифт и попросил: — Подожди меня, мне нужно вернуться за кое-чём.

— Прости, — Сюй Танчэнь сунул руку в карман и покачал головой. Он нажал на кнопку вызова.
— Мне надо идти.

— Не вернёшься сегодня ночью? — Юй Ань, очевидно, заинтересовался.

— Да, — Сюй Танчэнь кивнул. Видя, что Юй Ань собирается продолжить задавать вопросы, он сразу же всё выложил: — Я иду повеселиться.

Лифт приехал в нужный момент. Объяснившись, Сюй Танчэнь помахал Юй Аню рукой. На его телефон пришло сообщение от И Чжэ, в котором тот сообщал, что ждёт его внизу и увидел новую кофейню с молочным чаем рядом с домом № 21. Он спрашивал, не хочет ли Сюй Танчэнь молочного чая. Сюй Танчэнь прочитал сообщение, пока стоял в лифте, и собирался ответить, когда понял, что так и не нажал кнопку с нужным ему этажом.

Он поднял голову. Дверь лифта медленно закрывалась. К его удивлению, Юй Ань всё еще стоял на площадке. Он не ушёл.

Встретившись взглядами с Сюй Танчэнем, Юй Ань улыбнулся через оставшуюся щель и помахал рукой.

И Чжэ ждал его внизу рядом с клумбой. Он сидел на возвышенности, держа телефон и чему-то улыбаясь, свет экрана отражался в его глазах. Сюй Танчэнь подошёл к нему и заметил, что на его спине была небольшая черная сумка, которую он раньше никогда не видел. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это камера.

— Откуда у тебя камера? — спросил Сюй Танчэнь.

— Позаимствовал у Чжэн Икуня, — И Чжэ встал. Его ботинок задел край клумбы, когда парень спустился вниз. Он провёл большим пальцем по ремешку сумки и добавил: — Я планирую купить себе собственную.

Сюй Танчэнь хотел спросить, зачем ему нужна камера, И Чжэ добавил:

— Чтобы фотографировать тебя.

Кто-то пнул камешек, и он далеко улетел. Это должно было звучать беспорядочно, но из-за эмоций, слышавшихся в голосе, шум оказался усладой для уха.

И Чжэ достал камеру ещё тогда, когда они были в кампусе. Он отступил на пару шагов и встал перед Сюй Танчэнем. Озеро со всех сторон окружали голые ветки. В постепенно сгущающихся сумерках на камере загорелся маленький красный огонёк, будто маня Сюй Танчэня подойти к нему поближе.

— Смотри под ноги, — напомнил Сюй Танчэнь. — Не врежься ни в кого.

— Не врежусь, я всё контролирую, — держа камеру наготове, И Чжэ время от времени поглядывал назад, идя спиной вперёд.

Двое парней играли с камерой в кампусе — как ни посмотри, выглядело это странно. Видя, как проходившие мимо студенты замедлялись рядом с ними, Сюй Танчэнь слегка смутился и подошёл на пару шагов, чтобы догнать одного взволнованного человека.

— Ну всё, хватит фотографировать.

— Нет, — И Чжэ высоко задрал локоть, уворачиваясь от протянутой руки Сюй Танчэня. Объектив камеры почти прилип к его лицу. Сюй Танчэнь отклонился в сторону, но И Чжэ внимательно следил за ним, и насмешливо отметил:

— У тебя, и правда, очень гладкая кожа. Даже на фото я не вижу пор.

Сюй Танчэнь склонил голову набок. Он лишь сделал показную попытку увернуться от И Чжэ и сменил тему, позволяя ему забавляться, как он захочет. Так странно: когда камера коснулась его кожи, она, очевидно, была холодной, но казалось, что она способна сдерживать холодный зимний ветер.

Когда они подошли к Голубой Гавани, опасаясь, что припарковать машину поближе не удастся, Сюй Танчэнь оставил её рядом с парком Чаоянь. Выбираясь из автомобиля, И Чжэ отстегнул ремень безопасности и сказал:

— Скоро я смогу сдать тест на права.

Они жили в одном и том же кампусе и оба были студентами. Обычно при общении с ним Сюй Танчэнь не особенно ощущал разницу в их возрасте. Фраза И Чжэ, наполненная

предвкушением, заставила его осознать, что И Чжэ скоро исполнится восемнадцать лет.

А Сюй Танчэнь, между тем, до сих пор носил красную нить на запястье и переживал второй год его знака зодиака за всю его жизнь*.

П.п.: 本命年 (ben ming nian) — в двенадцатилетнем цикле восточного календаря так называется год, одноименный тому, в котором родился человек (к примеру, если Вы родились в год Тигра, то таковыми для Вас являются все года Тигра). По даосским поверьям он считался неудачным, но существовали способы снять с себя его негативный эффект. Одним из таких способов являлось ношение красной нити на запястье.

Видя, что он не торопится покинуть машину, И Чжэ обошел её спереди, открыл дверь с его стороны и наклонился:

— Что случилось?

Сюй Танчэнь покачал головой. Выйдя на обжигающий мороз, он невольно притопнул ногой.

Они прошли к торговому району. Спустя пару шагов они повернули на узенькую улочку. С одной стороны улицы была стена, с другой поблескивала водная гладь. И Чжэ был здесь впервые. Увидев водоём, он был поражён:

— Откуда здесь вода? Из озера?

Сюй Танчэнь покачал головой. Он знал, что в Голубой Гавани, по слухам, три стороны выходило к воде, только вот к какой воде, он не был уверен.

— В парке Чаоян есть озеро, — основываясь на своих впечатлениях и знаниях о местной географии, он предположил: — Может, это оно?

Хоть никто из них не был уверен в источнике воды, картина была настолько красивой, что они подошли к кромке воды и ненадолго остановились там.

И Чжэ попытался сфотографировать воду, но отказался от этой затеи, потому что было трудно поймать хороший фокус.

— Тут слишком темно, фотографии получаются размытые, — он повернул объектив, нацелив его на лицо Сюй Танчэня. — Лучше я сфотографирую тебя.

Они находились на маленькой улочке, которая служила подъездной дорогой. Свет фонарей был настолько тусклым, что его можно было бы вообще не включать. Был выходной день, и мало кто бродил там в это время. Возле обочины лишь несколько припаркованных машин и парочка

пешеходов. Сюй Танчэнь больше не избегал камеры, как в кампусе, он прислонился к каменным перилам, позволяя и Чжэ возиться рядом, как тому хотелось.

— А зарядка камеры скоро сядет?

— Нет, я специально полностью зарядил её.

По тому, что он вспомнил о такой мелочи, было видно, что он вложил в это дело душу. Учитывая, что он же являлся человеком, регулярно терявшим свои ключи.

— И Чжэ, — отшутившись, Сюй Танчэнь внезапно посмотрел прямо в объектив и позвал приятеля.

И Чжэ его серьёзность застала врасплох:

— А?

Но Сюй Танчэнь не обратил на это внимания. Он продолжал сверлить взглядом камеру.

— Что ты хочешь на свой восемнадцатый день рождения?

Этот вопрос стал неожиданностью. И Чжэ был к такому совершенно не готов. Кажется, с тех пор, как парень стал подростком, он ни разу не задумывался о такой вещи, как подарок на день рождения. Ему его сделали родители ещё до развода, но это было один раз, и только тогда, когда он оказался в машине отца и не смог не упомянуть про свой день рождения.

Чего он хотел...

Долгое время юноша раздумывал над этим, но скоро пришел к выводу, что его нынешнее психологическое состояние свободно от любых желаний. Точнее, нет, он не был полностью от них свободен, но то, чего он хотел, находилось прямо перед его глазами.

— Я ничего не хочу, — начал было он, но почувствовал, что продолжение будет звучать глупо, поэтому взглянул на Сюй Танчэня и мысленно повторил: «Мне достаточно тебя одного».

— Хорошенько подумай, — усмехнулся Сюй Танчэнь. — Восемнадцать лет, ты станешь взрослым человеком. Я хочу подарить тебе что-нибудь приятное.

Ночь побега из лаборатории, тусклый свет уличных фонарей — всё произошедшее заставило Сюй Танчэня почувствовать всплеск эмоций. Он не хотел, чтобы камера запечатлела что-то необычное, отвернулся и уставился на водную гладь, которую беспрестанно поддразнивал

ветерок.

Он уже давно не курил. Сюй Танчэнь пошарил рукой в кармане, но тот оказался пуст.

Молодой человек обернулся, чтобы спросить И Чжэ, но его лицо встретилось с камерой.

— Ох, — И Чжэ опустил камеру и подошёл к нему ближе, чтобы осмотреть. — Ударился?

— Нет.

Даже если всё было хорошо, Сюй Танчэнь не преминул воспользоваться случаем взглянуть на него:

— Разве я не просил тебя держаться от меня подальше?

— Хорошо.

В этот раз И Чжэ послушал его и отступил на шаг. Рука Сюй Танчэня, которая только собиралась скользнуть в карман И Чжэ, повисла в воздухе. Они глядели друг на друга, застыв на несколько секунд. И Чжэ сделал ещё шаг, вернувшись на своё прежнее место, и его карман снова оказался под рукой Сюй Танчэня.

Сюй Танчэнь достал сигарету и поджег её.

— Ты определился?

— А? — И Чжэ наклонился к нему, фотографируя его курящего, его профиль, который то светился, то тускнел на фоне слабого огонька сигареты.

— С подарком.

— Хмм... — какое-то время и Чжэ блуждал в потёмках своего сознания, прежде чем выудил одну идею: — Споёшь для меня песню?

Сюй Танчэнь повернул голову и рассмеялся. Сигаретный дым образовал в воздухе окружность.

— Разве твоя просьба не слишком простая? Я могу спеть для тебя песню хоть сейчас.

Он пошутил, однако И Чжэ эта идея показалась неплохой. Он повернулся и поставил камеру под нужным углом:

— Тогда спой сейчас.

— В смысле, спеть? — Суй Танчэнь неопределённо махнул сигаретой, зажатой у него между пальцами. — Если ты продолжишь это делать, люди могут решить, что я какая-то знаменитость, устроившая тут съёмки.

— Игнорируй их. Я хочу снять видео на память, — И Чжэ понизил голос, который прозвучал даже немножко льстиво. — Споёшь для меня сейчас? Если споёшь тихо, тебя никто не услышит. Я никогда раньше не слышал песен на день рождения.

Суй Танчэнь не собирался ему подыгрывать, но он всегда старался действовать мягко, нежели жёстко. К тому же, это было не так уж и сложно, а услышав слова И Чжэ, он больше не хотел отказывать ему.

Этот взрослый парень был ростом под 190 сантиметров. Обычно он был холоден, но его подобные детские выходки действовали ещё сильнее, чем если бы это делала девочка.

— Хорошо, — Суй Танчэнь слегка повернул голову к нему. — Побалую тебя сегодня ночью.

Он сказал, что споёт ему, однако из песни «С днем рождения» исчезла более половина строк. Точнее, в ней вообще не было никакого текста. Иногда он сжимал губы и мычал, а иногда содержание становилось богаче, и начиналось простое «та-та-та».

Ещё на первых нотах И Чжэ почувствовал, что что-то не так. Когда Суй Танчэнь закончил напевать песню, он посмотрел на человека с полуприкрытыми глазами на экране камеры и задумчиво сказал:

— Это не песня на день рождения.

Суй Танчэнь возразил:

— Разве ты не говорил, что никогда её не слышал?

— Я никогда не слышал, чтобы кто-то пел её для меня, но это не значит, что я вовсе не слышал её.

Суй Танчэнь проигнорировал его. Одной рукой держась за каменную сферу на вершине колонны, другой придерживая голову, он отчего-то засмеялся.

Его реакция ещё больше уверила И Чжэ в неправильности происходящего. Он поднял камеру и приблизился к Суй Танчэню, насупился и спросил:

— Ты меня надул?

— Не-а, — во взгляде Сюй Танчэня, направленном на И Чжэ, не было и намёка на вину, только искренность. — Я желаю тебе счастливого дня рождения.

Егоолодой человек сильно затянулся сигаретой, отвернулся и выдохнул, после чего снова повернулся обратно и посмотрел в объектив. Он объяснил:

— Песен к дню рождения много. Эта песня иностранная, и я помню только её мотив, но не знаю текста.

— Правда? — голос И Чжэ был полон подозрений. — Тогда скажи, в какой стране написали эту песню.

— Эквадор, — не задумываясь, ответил Сюй Танчэнь.

Он торжественно поклялся, что не лжет, но И Чжэ всё ещё размышлял над этим.

Сюй Танчэнь махнул рукой и решительно сменил тему:

— Айя, посмотри, какой подарок ты себе выбрал. Почему бы мне не подарить тебе камеру? Ты же хочешь, да?

— Нет, — И Чжэ отказался от этой идеи. — Я хочу сам купить её.

По крайней мере, он уже работал репетитором, и за время работы успел накопить немало денег.

Когда Сюй Танчэнь покончил с сигаретой, он затушил окурок о соседнюю урну и выбросил его.

— Тогда подумай об этом немного, — он сделал два шага. Увидев вдалеке яркое переливающееся море голубых и белых огней, он обернулся и поманил к себе друга, застывшего в раздумьях, не преминув поддразнить: — Пошли, молодая госпожа И. Старший братец отведёт тебя посмотреть на фонарики.

Он никогда раньше не использовал такой тон при разговоре с И Чжэ. Он подумал, что тот отреагирует резко, но вместо этого услышал торопливые шаги. Человек, догнавший его, не выказал ни капли недовольства, вместо этого он сказал:

— Я понял, чего хочу.

— И чего же?

И Чжэ склонился к его уху. Его голос был очень тихим:

— Той ночью...

В этих двух словах не было какого-то конкретного смыслового посыла, Сюй Танчэнь не понимал, о чем речь. Он заинтересованно посмотрел на запнувшегося парня:

— Какой?

— Когда ты выпил, и мы поехали в отель.

После этих слов в сердце Сюй Танчэня внезапно возникло нехорошее предчувствие. Он прочистил горло и снова посмотрел перед собой, притворяясь спокойным:

— О.

Он молился, что И Чжэ будет более невинным, простым и не скажет о том, о чём он думал. Но И Чжэ был решительным, полностью разрушая его надежды:

— Тогда мы... мы этого не сделали, да? — на лице И Чжэ появилась слабая улыбка. Она не выглядела распутной, и то, как он намеренно сдерживался, будто бы что-то скрывал, выглядело очень мило. — Когда я достигну совершеннолетнего возраста, можем ли мы... продолжить?

Они так долго были вместе, и вряд ли кто-нибудь поверил бы, что их отношения не зашли дальше простых объятий, держания за руки и поцелуев. Они целовались, пока не покраснеют, пока их сердца не пустятся вскачь, тяжело дыша, но после этого И Чжэ брал Сюй Танчэня за руку и давал им обоим немного времени, чтобы успокоиться.

Сюй Танчэнь, наконец, понял, что значит вырыть самому себе могилу и прыгнуть в неё. Ну зачем он перевел всё в это русло? Разве не было бы лучше купить ему фотоаппарат и закончить на этом?

Как бы он ни сожалел о сказанном, лицо его оставалось невозмутимым. Он покачал головой:

— Нет.

— Почему? — И Чжэ ощутил потрясение. Он мягко поспорил: — Разве ты не говорил, что я могу выбрать что угодно?

В ту ночь его настигло редкостное опьянение. На сердце у Сюй Танчэня было что-то, чего он хотел, и он не был беспросветно пьян. Его слова, поступки — он помнил о них.

Мысли вышли из-под контроля. Лицо покраснело, он быстро продумал случившееся и, на удивление, нашёл отговорку, чтобы остановить И Чжэ — этого парня, в чьём сердце зародилась любовь.

— Помнишь, что я сказал той ночью?

— Что? — Сюй Танчэнь поддерживал интригу, и И Чжэ ему подыгрывал.

— Я сказал, что, если ты упустишь свой шанс, он больше никогда не представится.

<http://bllate.org/book/13101/1158725>